

Нина С. Бочкарева

Пермский государственный университет

МОТИВ ОСТРОВА В ПРОЗЕ А.Г.БИТОВА ("ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ")

Всем понятно, почему национальным образом английского мира (термин Г.Гачева) будет остров и корабль — символ морских путешествий. Но чтобы Россия, эта "бескрайняя равнина" (по определению О.Шпенглера), и вдруг — остров! А.Г.Битов в книге "Пятое измерение" показывает, что всё зависит от точки зрения, угла наблюдения, относительности позиции.

По определению автора, "культура — это особое качество отношения к другому, внешне не своему (человеку, природе, в т.ч. и материальной культуре), отношения к другому, по крайней мере и хотя бы как к ценности..." (Битов: 2002: 205). Цивилизация, общество, интеллигентность тоже определяются (в интервью с О.В.Волковым) как "этическое отношение". "Общество — это где люди признают права людей на жизнь, на все блага, и почитают невозможным насилие применить для того, чтобы перевести в свою веру" (Битов 2002: 301).

Ценностное "отношение к другому" с позиции "внеаходимости" — краеугольный камень этической и эстетической концепции А.Г.Битова, истоки которой обнаруживаются в культурной традиции и в трудах М.М.Бахтина (Бахтин 1979: 15). "Пятое измерение" — еще один взгляд автора на империю после "Империи в четырех измерениях". На этот раз сквозь призму "памяти". Оценить современную культурную ситуацию в России, по мнению писателя, можно только с позиции классической литературы, как русской, так и зарубежной.

Знаменитые романы Дефо и Свифта в книге "Пятое измерение" становятся точками отсчета, типологическими и хронологическими вехами, от которых отсчитывается история России. В 1672 году, до того как были опубликованы "Путешествия Робинзона Крузо"

© Н.С.Бочкарева, 2003

(1719, русский перевод — 1762) и "Путешествия Лемюэля Гулливера" (1726, русский перевод — 1772), родился Петр Первый (русский Гулливер) и написано "Житие протопopa Аввакума" (русский "Робинзон") (Битов 2002: 12, 336-337).

"Житие протопopa Аввакума" опубликовано почти через двести лет, в том же году, что "Записки из Мёртвого дома" Ф.М.Достоевского. Всесторонне аргументированная Битовым неожиданная близость Робинзона и героя "Мёртвого дома" ("островное одиночество") позволяет автору по-новому взглянуть на Россию. "Наша суша такова, что её уподобление океану никому не покажется преувеличением. И некоторое тяготение к островному сознанию в России можно проследить. Была такая древняя русская мечта — Никитина вотчина, куда бы все убежали... (Битов 2002: 21)

Остров как пространственная мифологема оказывается наиболее подходящей для выражения утопических идей (Атлантида у Платона и Ф.Бэкона). Социально-политическая "утопия" ("место, которого нет") — никому не известный цивилизованный остров, затерянный в океане или исчезнувший под водой. Нравственно-философская антиутопическая притча тоже использует мифологему необитаемого острова ("Повелитель мух" У.Голдинга, "Остров" Р.Мерля). История Советского Союза (утопия, превратившаяся в антиутопию) по масштабам сравнима с мифологической Атлантидой.

Битов замечает, что "остров" и "острог" — "едва ли не однокоренные слова". Остров — "часть суши, окруженная водой". Острог — "огороженное частоколом" (острыми бревнами) поселение. Острог — "и крепость, и тюрьма". Соловецкий архипелаг — и монастырь, и ГУЛАГ. Странные метаморфозы острова и острога в парадоксальных отношениях свободы и несвободы, своего и чужого приводят к тому, что герой "сам для себя становится необитаем", как "остров в океане свободы".

Но тюрьма, как и необитаемый остров, — еще и уникальный жизненный опыт. Толстой и Чехов "завидовали" Достоевскому, как Битов — О.В.Волкову, бывшему в заключении в общей сложности

25 лет. "...лет пять посидеть человеку полезно, особенно писателю... даже десять еще можно... пятнадцать — это максимум... Очень трудно потом начинать жить и работать" (Битов 2002: 301). И здесь ограничение, и здесь своя диалектика.

Если "Достоевский, как Робинзон, открыл острог как остров, то Солженицын, век спустя, открыл, что остров не один, что это система, что это архипелаг". Причем "между зонами, с течением времени, иссякла свобода... всё стало зоной... какую реальность ни возьми, её можно описать как лагерь... лагерь — и есть модель нашего мира". Чтобы "вернуться в цивилизацию", нужно "осознать свой размер, свою реальность". Гулливер — это "лилипут и великан одновременно, большой и маленький в одном лице. Он есть того самого размера, которого — человек" (Битов 2002: 32). Способность мыслить — основной признак цивилизованного человека.

Достоевский, по словам автора книги "Пятое измерение", открывает "новый способ мыслить". Соединение "мысли и стиля", "мысли и примера", "мысли и образа" — отличительное свойство интеллектуальной прозы самого Битова. "Новый способ мыслить", по мнению писателя, характеризует "нового человека". Поэтому Достоевский — "новый Робинзон". Или "новый Гулливер"? "И вот я уже путаюсь, где Гулливер, а кто Робинзон" (Битов 2002: 33), — признается автор.

В разделе "Новый Гулливер" русская и зарубежная классика осмысляются в её "юбилейном" значении для потомков: Новый Гулливер "принадлежит не прошлому, а будущему" (Битов 2002: 32). В разделе "Новый Робинзон" речь идет в основном о "современниках" автора (среди них — О.В.Волков и В.В.Набоков, которые, как А.С.Пушкин и А.С.Грибоедов, тоже были "одноклассниками"). Последний раздел — "Дерево" (самый лирический и поэтический) — о друзьях, о прорастании из смерти в вечность, о переходе из XX в XXI век.

Мифологема "остров-острог" развивается А.Г.Битовым и в противопоставлении двух городов — Санкт-Петербурга (Ленинграда) и Москвы. "Противостояние Москвы и Питера — тема

традиционно неисчерпаемая или неисчерпаемо традиционная, воплотившая в себе Восток и Запад, Европу и Азию, столицу и провинцию, первый и второй город (попеременно) и всё это на русской почве, то есть модель соревнования и ревности весьма контрастная" (Битов 2002: 184). Потомственный Почетный гражданин Санкт-Петербурга, коренной ленинградец (могилы в пяти поколениях), родившийся в день рождения города и "родивший" здесь детей и внуков, автор "бежит" в Москву и "обживает" её, как потом Тбилиси и, наконец, "настоящую" границу — Берлин.

"27 мая 2003 года Санкт-Петербургу исполнится 300 лет, в 1997 году Москве уже исполнилось 850... Построенный с таким историческим отрывом Петербург стал островом в самой России. Остались застывшие в величии и красоте камни... Другое дело Москва! Её не сравнишь с Петербургом по избыточной красоте. Один Кремль как остров. Остальное — сплошная пристройка. Она, получилось, построена людьми и для людей. Она — суше..." (Битов 2002: 268-270). Символическим выражением взаимоотношений Петербурга и Москвы у Битова становятся памятники Петра Первого на коне и Ленина на броневике. В Ленинграде два памятника, как два острова, располагались по разным берегам Невы. А Ленин на Ленинградском вокзале в Москве приветствовал своего двойника на Московском вокзале в Ленинграде, пока его не заменил Петр Первый, вновь утвердивший своим именем власть над городом. Два города-острова разделил океан перестройки.

Сходство городов с островом-острогом усиливает кольца: "Я расту и старею, как город — кольцами и слоями; город тоже подобен луковице. Так Петербург вырос вокруг Петропавловской крепости и оказался окружен Ленинградом. Так Москва выросла вокруг Кремля, окружив себя кольцами, строя и никак не достроя Третье кольцо, зато замкнув себя Кольцевой дорогой. Так Берлин до сих пор содержит для меня внутри себя кольцевой шрам Степы". Если "пограничность" Петербурга непосредственно географическая и историческая, то Москва и Берлин "пограничны в нашем сознании: на Запад от Москвы будет Европа, а на Восток — Азия; по Берлину же пройдет невидимая граница Западной

Европы и Восточной. Оба эти города двуглавы, как их орлы, оба пульсируют между Западом и Востоком как сердца, растворяя и примиряя в себе эту границу" (Битов 2002: 186). Связанная с мифологемой "остров-острог" пограничность отражает раздвоение автора ("близнеца" и "двоежёнца"), который, "обживая" очередной "остров-острог", каждый раз стремится убежать из него (последний "побег" — из Берлина). Таким образом, через судьбу автора и его героев в книге раскрывается судьба России, ее внутренние и внешние проблемы (примечательно, что первая "заграница" автора оказалась в Азии, а вторая — в Европе).

У В.Гюго в стихотворении, посвященном Наполеону, двумя островами обозначаются две разделенные морем пограничные точки его жизни: рождение и смерть. Остров — это человек по отношению к жизни и смерти, у Битова — на границе с окружающим его миром, культурой, природой, цивилизацией. Из географической категории "остров" превращается в категорию философскую и психологическую. Неоромантические тенденции в художественной прозе Битова соединяются с очевидным пристрастием к герою "человеческого размера". Может быть, поэтому он Дюма предпочитает Гюго, а Смоллета и Диккенса — Байрону.

А.Г.Битов то постоянно нарушает границы города, страны, жанра, то усердно создает новые границы, защищая человека, природу, культуру. Анализируя книгу Л.Гинзбург "О старом и новом", он замечает: В этом сборнике литературоведческих работ есть элементы романного строения, романного течения времени..." Как и другие книги Битова, "Пятое измерение" тоже "тяготее" к роману. В этом "тяготении" отражаются муки творчества и сам творческий процесс как движение времени и во времени: "Для того, чтобы мгновения настоящего счастья и страдания приобрели вес, по-видимому нужно, чтобы на них всею тяжестью давили массы безвозвратно потерянного времени" (Битов 2002: 168).

Объектом "пятого измерения" как памяти становится само "изменение" как развитие. М.Пруст помогает автору соединить отдельные фрагменты постоянно изменяющегося текста в последовательность единой книги. "Очень правильное название

"Движение в сторону книги". Скромное, но с амбициями Пруста" (Битов 2002: 263), — пишет Битов о творчестве "митыков" (глава "Объект как книга"). В собственной книге он "открывает" (как обитаемый остров) новый жанр — "памятник литературы". Это произведение, пережившее все остальные, утратившее имя и биографию автора, манускрипт и обстоятельства его создания (Битов 2002: 228).

"Можно ли прийти от книги к тексту" (Битов 2002: 263), если текст — это поведение? Используя термин "текст", Битов превращает его в метафору, нарушая границы жизни и книги, книги и текста, текста и жанра. В обозначении романного жанра сущностными признаками оказываются все те же определяемые М.М.Бахтиным хронотоп (время-пространство) и отношение автора к герою: "Роман — это жанр, в котором неизбежно меняется сам автор, жанр, отражающий, чем дальше, тем больше, изменение не столько героев, сколько самого автора. Время — это неизбежность отношений. В романе неизбежны отношения автора с героем и набегающим текстом" (Битов 2002: 418). Изменяющийся текст становится наряду с героем эстетическим объектом.

С.Бочаров называет "Пятое измерение" А.Битова "в нескольких отношениях пограничной книгой" (Бочаров 2002). Еще одну границу с самого детства "тайком" переступает автор: границу, разделяющую поэзию и прозу (см. автобиографическую книгу "Неизбежность ненаписанного: годовые кольца 1956—1998—1937"). Всемирно признанный прозаик, Андрей Георгиевич Битов с тем особым чувством, которое называют восхищением или завистью, смотрит на вершины русской Поэзии из "бескрайней равнины" покоренной им Прозы. Прочно утвердившись на "островах" Новеллы и Очерка, он без труда организует длительные и победоносные осады Романа, каждый раз продвигаясь к цели и прибавляя новые "кольца" к уже написанному тексту.

"Островное сознание" героя прозы Битова определяется этической дистанцией мысли о мире и о себе и необходимостью внутреннего самоопределения. Личная ответственность за поступок осознается уже самыми маленькими героями рассказов "Боль-

шой шар" и "Но-га", включенных в цикл "Аптекарский остров". Здесь важно не только топографическое определение места в Петербурге, где Битов родился и вырос, но и внутреннее, мысленное, обособление героя от окружающих ("Автобус", "Пенелопя" и другие рассказы). В рассказе "Но-га" или "Аптекарский остров" запертая дверь на острове становится символом пережитой тайны. Впечатление усиливается благодаря мотиву круга (кольца): "Тогда перед ними появился круглый пруд с круглым островом посередине. На острове, вокруг, подступая к самой воде, стояли те же деревья. Кольцо черной воды было разорвано белыми льдинами... в центре островка был холм. Они обошли кругом, холм был холмик, а один забрался наверх, и они обнаружили в холме проем..." (Битов 1991: 32). Уже здесь анализируемая выше мифологема города-острова, окруженного кольцами.

В рассказе "Жизнь в ветреную погоду" кроме великолепно проанализированных американскими учеными мотивов "ветра" и "жизни", связанных с темой "творчества" (Чэнес 1993), значим и мотив острова, "всплывающий" на поверхность текста в песне знакомой девушки: "Какой большой ветер/ напал на наш остров..." (Битов 1991: 127). Ветер и остров соединяются в мотиве одиночества: "им овладело ощущение отрезанности от мира, и это было хорошо, остров... действительно, остров!... Гладкая отмель, и желтое мутное море, и хибарки на тонких ногах" (Битов 1991: 130). Нет, не хибарки, а дом-крепость и одновременно остров-острог. Та же диалектика творчества, о которой говорит в интервью О.Волков. Дом на даче, отдельный кабинет, пустая квартира — места, где герой уединяется, чтобы писать, но страдает от творческого бессилия. Островом-острогом-крепостью становится для Левы Одоевцева Пушкинский дом во время праздничной демонстрации.

Островками свободы были для путешественника Битова республики Средней Азии и Закавказья. В трилогии "Оглашенные" мифологема острова (заповедник, монастырь, питомник) связана с проблемой экологии природы, культуры и самого человека. Наконец, в книге "Пятое измерение" автор создает свою историю литературы, соединяя "островки" пространства и времени.

Таким образом, мотив острова в творчестве А.Г.Битова вырастает до мировоззренческой категории, характеризующей героя и автора, выражает его культурно-эстетическую позицию, нравственно-философские и социально-политические взгляды, определяет психологическое состояние героя. Остров у Битова необитаемый и обитаемый, первозданный и цивилизованный, символ природы (заповедник) и культуры (монастырь). Это город-дом-крепость и поселение-острог-тюрьма, утопия и антиутопия. Острова окружены кольцами и соединяются в цепь архипелага. Такая метафора возможна, наверное, только в контексте русской истории. Обозначенные антиномии определяют очевидно мифологемный характер мотива острова. Наряду с другими мотивами он играет важную роль в культурологическом хронотопе произведений петербуржца и космополита Андрея Георгиевича Битова, особенно в книге "Пятое измерение".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М., 1979, *Автор и герой в эстетической деятельности*, Эстетика словесного творчества. Москва.
- Битов А.Г., 1991, *Жизнь в ветреную погоду*. Повести. Рассказы. Ленинград.
- Битов А.Г., 1996, *Империя в четырех измерениях*. Т. 1-4. Харьков—Москва.
- Битов А.Г., 1998, *Неизбежность ненаписанного: годовые кольца*. 1956-1998-1937. Москва.
- Битов А.Г., 2002, *Пятое измерение: На границе времени и пространства*, Независимая газета. Москва.
- Бочаров С., 2002, *Лирика ума, или Пятое измерение после четвертой прозы*, Новый мир. № 11.
- Гачев Г., 1995, *Национальные образы мира*. КОСМО-ПСИХО-ЛОГОС. Москва.
- Чэнес Э., 1993, *"Жизнь в ветреную погоду" Битова: творческий процесс в жизни и в литературе*, Русская литература XX в. Исследования американских ученых. С.-Петербург.
- Шпенглер О., 1993, *Закат Европы*. Очерки морфологии мировой истории. Т. I. Москва.